

В.С. Бойко

*Барнаульский государственный
педагогический университет*

**Внешнеполитический курс
Аманулла-хана в Афганистане
в начале 1920-х годов:
среднеазиатское направление***

В отечественной и мировой историографии Афганистана период 1920-х гг., когда у власти находился эмир Аманулла-хан, оценивается крайне противоречиво: мало кто оспаривает его реформаторский потенциал и искреннее желание прогресса для своей страны, но многие исследователи указывают на зигзаги и даже серьезные провалы в сфере внутренней и внешней политики тех лет. В данной статье на основе архивных материалов, до сих пор мало используемых или впервые вводимых в научный оборот, анализируется внешнеполитический курс Аманулла-хана в начале 1920-х гг. (главным образом – среднеазиатское направление), когда происходило становление его режима и делались первые шаги на внешнеполитической арене. Эти сюжеты привлекали внимание целого ряда историков-международников, — особые усилия предпринял в данном направлении С.Б. Панин, но в фокусе его работ оказались прежде всего вопросы советско-афганских отношений¹.

В конце февраля 1919 г. в Афганистане в результате убийства эмира Хабибулла-хана возникло кратковременное двоевластие: в Джалалабаде провозгласил себя новым правителем сардар Насрул-

* Данная работа подготовлена при частичной поддержке Британской академии – SG 32383

ла-хан², брат покойного, а в столице о своем праве на престол заявил сын убитого монарха, принц Аманулла-хан. Победителем в борьбе за власть стал Аманулла — ему присягнул кабульский гарнизон и оказали поддержку наиболее влиятельные пуштунские племена. Оказавшись у власти в силу чрезвычайных обстоятельств, Аманулла-хан фактически не был готов руководить страной, хотя и стремился к этому в силу своей амбициозности и искреннего желания изменить положение дел в стране. Генератор идей и сторонник Махмуд-бека Тарзи, идеолога реформ и просветителя, активно пропагандировавшего турецкий опыт, новоявленный эмир не мог, однако, грамотно осуществлять свои или чужие планы перестройки Афганистана на современный лад. Как отмечали наблюдатели, серьезным просчетом Аманулла-хана, особенно очевидным на начальном этапе его деятельности, было игнорирование племенного фактора³ и в целом наивно-романтический подход к государственным делам.

Формирование и проведение курса, наиболее соответствующего в тот момент нуждам страны, затрудняло наличие в правящих кругах нескольких группировок. Одна из них ассоциировалась с матерью Аманулла-хана, Улья Хазрат, и придерживалась традиционных взглядов. Англофильская ориентация была кредо группы Шир Ахмад-хана и Али Ахмад-хана. Прогрессивной ориентации придерживались *младоафганцы* — патриотически/просветительски/реформаторски настроенные политики, общественные деятели и частные лица, вдохновленные идеями прогресса и сделавшие ставку на молодого эмира. Сам Аманулла не торопился отождествить себя ни с одной из этих либо какой-то другой группировкой, претендуя на роль независимого лидера, способного единолично либо при незначительном постороннем участии править обремененной проблемами страной.

Будучи чрезвычайно амбициозным и противоречивым правителем и человеком, нередко игнорирующим советы своего окружения и аргументы оппонентов, он, сознательно или интуитивно, все же правильно определил целый ряд направлений своей внутренней и внешней политики. Обстоятельства прихода Аманулла к власти и особенности международного положения Афганистана после первой мировой войны обусловили чрезвычайную активность нового эмира и приоритетность внешнеполитических проблем. Именно поэтому первым важнейшим актом Аманулла стало восстановление полной

государственной независимости страны. Выпадение Афганистана из британской зоны влияния стало возможно, благодаря изменившейся международной обстановке, в данном случае – социально-политическому кризису в Британской Индии и опасениям британских имперских кругов потерять весь южно-азиатский регион. Столь высокие ставки на новом витке «Большой игры» в Азии предопределили кратковременность третьей афгано-британской войны 1919 г. и ликвидацию прямого британского контроля над внешней политикой Афганистана. Подписание осенью 1919 г. прелиминарного, а в 1921 г. и полноформатного мирного договора юридически закрепило новый международный статус Афганистана как независимого государства. Сам факт объявления войны англичанам в форме джихада, а также стремление объединить пуштунские земли по обе стороны линии Дюранда (условной границы между Британской Индией и Афганистаном) на первых порах обеспечил Аманулла-хану поддержку духовенства.

Другим важным шагом правительства Аманулла-хана было установление в 1919 г. дипломатических отношений с Советской Россией и перевод их в 1921 г. на договорно-правовую основу. Как показывают новейшие отечественные исследования начального этапа советско-афганских отношений (С.Б. Панин), их развитие отнюдь не представляло собой поступательного и беспроблемного процесса, скорее наоборот, — и во времена Амануллы в этой области возникали кризисы, хотя общий ход и тенденции взаимодействия РСФСР/СССР и Афганистана являли собой уникальный по тем временам пример мирного сосуществования государств с различными социальными системами и идеологиями. Но было бы неверно игнорировать реальные факты из их истории, как ранней, так и совсем недавней. Антиимпериализм Аманулла-хана вполне уживался с антисоветизмом, сочетаемым с панисламистскими проектами, прямо предусматривающими аннексию чужих территорий или иные, авантюристические по сути, геополитические конструкции. На начальном этапе существования режима Аманулла-хана внешняя политика афганского правительства отличалась непоследовательностью. Так, в частности, одним из ее направлений стал панисламизм в форме поддержки различных этно-политических и религиозно-политических движений Центральной Азии, предусматривавшей в

конечном счете создание центрально-азиатской конфедерации/федерации в составе бывшего Хивинского и Кокандского ханств, Бухарского эмирата и самого Афганистана. Уже в декабре 1919 г. новые афганские власти установили связи с предводителем ферганских повстанческих групп Мадамин-беком, то есть взяли курс на поддержку антисоветской оппозиции. Одновременно (в основном, кулуарно) они обозначили территориальную проблему — их территориальные претензии к России в совокупности представляли собой не что иное, как план выдвижения афганской границы параллельно среднеазиатской железной дороге. «Идея самодержавности и *домашнего империализма* (курсив мой — Б.В.), сводящегося к объединению Бухары, Ферганы и Туркестана под руководством Афганистана, объективно льют воду на мельницу наших врагов. В военном отношении эта комбинация не опасна — мы уверены, что нам удастся ее расстроить. Однако она дезорганизует нас в Туркестане и соседних государствах»⁴, — говорилось в письме Турккомиссии ЦК РКП(б) в Москву (январь 1920 г.). Ее члены считали, что помешать афганским планам могла бы изоляция перечисленных административно-государственных образований от Афганистана через предоставление «независимости» Бухаре, автономии Туркмении и т.п., что отчасти и было сделано.

Афганское же руководство продолжало придерживаться противоречивой, отнюдь не дружественной линии по отношению к России: так, 25 октября 1920 г. премьер-министр Абдул Куддус-хан на собрании в Кандагаре зачитал фарман Аманулла-хана, в котором говорилось, что русские всегда были врагами ислама.

Политическая активность режима Аманулла-хана в Центральной (Средней) Азии с наибольшей очевидностью проявилась в начале 1920-х гг., особенно в период мятежа в Восточной Бухаре⁵ и выступления турецкого националиста Энвер-паши, закончившегося серьезным поражением басмаческого движения и гибелью самого Энвера. Как следует из записей Али Ахмада, личного секретаря Аманулла-хана, для поддержки Энвер-паши Аманулла направил в Бухару подразделение в 200 пехотинцев с двумя слонами и несколькими пулеметами под командованием бригадира Фазль Ахмад-хана⁶. Факт участия афганцев в бухарских событиях подтверждал и советский посол в Кабуле Ф. Раскольников — он,

ссылаясь на данные консульства в Мазари-Шарифе, сообщал о «блудливых похождениях афганцев в Бухаре» (от 300 до 2000 штыков).

Не меньшим потрясением для советской стороны стало направление афганцами к северной границе образцового полка («кита-и намуна»), подготовленного на советские же средства и с помощью турецких инструкторов, находившихся на тайном содержании советского полпредства в Кабуле. Вслед за этими частями на север планировалось отправить три полка гвардейской кавалерии («шахи»), что уже означало подготовку к войне. Ф. Раскольников, вблизи наблюдая процессы, происходящие в Афганистане в начале 1920-х гг., заключал, что авантюризм афганских властей зиждется на неверном представлении о ситуации в России — «такая искаженная перспектива подталкивает алчный империализм молодого, еще не ставшего на ноги государства к немедленному захвату плохо лежащей, по их мнению, Восточной Бухары, давно являющейся заветной мечтой эмира»⁷.

Для ведения активной пропаганды в Российском Туркестане и «предупреждения русской агрессии» в северные области Афганистана были направлены специальные эмиссары центрального правительства: Надир-хан — в Бадахшан, Мухаммад Ибрагим-хан — в Мазари-Шариф, Шуджа уд-Даула — в Герат (Шуджа, входивший в близкий круг эмира и бывший к тому времени министром общественной безопасности, получил назначение на пост генерал-губернатора Герата).

В 1919–1920 гг. афганское правительство из соображений «исламской солидарности» с готовностью принимало беженцев из советизируемых областей Средней Азии — им предоставлялась земля, другие виды поддержки — например, в Афганском Туркестане туркменам-беженцам по приказу министра юстиции оказывалась материальная помощь (3,5 пуда пшеницы ежемесячно и единовременное пособие в 30 рупий на каждого члена семьи)⁸. Но при этом эмигранты — туркмены, бухарцы и др. — в обязательном порядке разоружались и должны были мирно интегрироваться в местную жизнь. Однако в 1922 г. ситуация изменилась — они стали рассматриваться как весьма перспективный военно-политический ресурс: им возвращалось оружие, из их числа создавались боевые группы и целые отряды. В среде туркмен и других этнических групп афган-

ско-русского приграничья культивировалась идея установления автономии или даже создания независимых государств (например, путем объединения туркмен Закаспия, Хивы, Бухары и Персии – Туркмении)⁹. Судьба спорных, с точки зрения афганцев, Кушкинского района и Пендинского оазиса, должна была решаться в ходе плебисцита. Однако российская сторона не допускала такой постановки вопроса по историческим и тогдашним геополитическим соображениям: строго говоря, эти районы никогда не принадлежали Афганистану, а передача их (в том числе крепости Кушка) резко ухудшала бы военно-политическую ситуацию в российском приграничье с преимущественно туркменским населением¹⁰.

Правительство Аманулла-хана выставляло непомерные требования и к вновь возникшим на территории Средней Азии государственным образованиям, в частности, формально независимой до конца 1922 г. Бухарской Народной Социалистической Республике: ее руководитель Ф. Ходжаев доложил 3-му Всебухарскому курултаю о желании афганцев «установить в крупных городах Бухары религиозные представительства для контроля над тем, совершает ли население намазы или нет»¹¹. В этом же списке был призыв не прокладывать железную дорогу в Восточную Бухару, не иметь крепостей и гарнизонов в приграничных с Афганистаном областях. Разумеется, такие настроения и планы афганской стороны были известны советскому руководству – летом 1922 г. оно было готово заморозить свои обязательства по российско-афганскому договору (поставки оружия и техники и др.). В июне афганскому посланнику в Москве был заявлен протест по поводу провокационных действий его страны в Бухаре, но, в конечном счете, изменение положения в этом регионе (разгром войск Энвер-паши и гибель его самого), с одной стороны, а также британская активность в Северо-Западной пограничной провинции Индии заставили Аманулла-хана пересмотреть свою политику в Средней Азии.

Предпринятый выше анализ среднеазиатского направления внешней политики Аманулла-хана в начале 1920-х гг. показывает, что подходы афганских властей к проблемам внешней политики, будь то официальные государственно-политические акции или инициативы иного рода, отличались крайней противоречивостью и авантюризмом. Их характерными чертами были панисламизм и стрем-

ление повысить авторитет Афганистана на международной арене любой ценой. Только серия неудач с проектами создания центрально-азиатской федерации и хиджратом мусульман в Афганистан заставили Аманулла-хана и его окружение пересмотреть стратегию и тактику внешней политики и перенести основной акцент на реформирование афганского традиционного общества.

Примечания

- ¹ Панин С.Б. Советско-афганские отношения 1919–1929. Дисс. д.и.н. М., 1998.
- ² Претензии Насрулла-хана можно объяснить договоренностью 1901 г., о которой рассказал в своей «Краткой истории Афганистана» доктор Абдул Гани. После смерти эмира Абдурахман-хана в 1901 г. возник вопрос о престолонаследии. Сам Абдурахман-хан полагал, что престол должен перейти к достойнейшему, которого определит он сам перед смертью или выберут наиболее влиятельные лица страны. Наиболее подходящим кандидатом считался старший сын эмира Хабибулла-хан, но его мать по своему происхождению не принадлежала к королевской семье. Претензии на трон имел и другой сын эмира, принц Насрулла-хан. Предотвратить схватку за власть сумел влиятельнейший сардар Абдул Куддус-хан Эттемади, — он достиг компромисса между братьями: Хабибулла унаследовал трон, а следующим претендентом объявлялся Насрулла, а не кто-либо из сыновей нового эмира. Договоренность об этом была подписана Хабибулло-ханом на коране. См.: Ghani, Abdul. A Brief History of Afghanistan... P. 597. Н.М. Гуревич, известный советский специалист по экономике Афганистана, полагал, что события 21–28 февраля 1919 г. были «младоафганским переворотом», но имеющиеся в распоряжении исследователей факты и документы позволяют считать такое заключение слишком категоричным. — Гуревич Н.М. Афганистан: некоторые особенности социально-экономического развития (1919–1977). М., 1983. С. 48.
- ³ Абдул Гани, длительное время проживший в Афганистане и хорошо знавший особенности афганского общества, со скепсисом оценивал управленческий потенциал Аманулла-хана и его жизненный опыт в момент восхождения на престол. Он также считал, что и взгляды идейного учителя Амануллы, Махмуд-бека Тарзи, далеко не во всем отражали реальную ситуацию, сложившуюся в афганском обществе на исходе второго десятилетия XX в. В частности, его насторожило идеализированное представление Тарзи о пуштунских племенах как о единой нации. Сам же Абдул Гани, внесший значительный вклад в дело просвещения и прогресса в

- Афганистане, полагал, что «объединение афганских племен должно быть необходимым условием развития, но оно возможно лишь в условиях мирного управления и прогрессивной системы общественного просвещения, на что понадобится минимум полвека». — Ghani, Abdul. *A Brief History of Afghanistan...* P. 733.
- ⁴ Российский центр хранения и исследования документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 80. Л. 14–15.
- ⁵ События начала 1920-х гг. в Бухаре стали результатом целого комплекса причин, в числе которых серьезные экономические просчеты советской власти. Постоянный представитель РСФСР в БНСР откровенно обозначил формулу кризиса: «Посадили Бухару в бутылку, закупорили пробкой и хотели, чтобы «независимая-самостийная» процветала... Что же будет делать декханин освобожденный от посевов хлопка, выделки каракуля, шерсти и сбора солодкового корня, — больше ни к чему не приспособленный? — Идет в басмачи» — РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 338. Л. 30, 34.
- ⁶ British Library, India Office Collection, L/P&S/10/1285, Ali Ahmad. *The Fall of Amanullah.* P. 20 back.
- ⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 405. Л. 6. Истины ради следует отметить, что афганское руководство, направляя войска на север в 1922 г., помимо военно-стратегических соображений, руководствовалось и экономическими — в Мазари-Шерифской провинции был собран в тот сезон хороший урожай, тогда как в Кабульской и Кандагарской был недород, и содержание там воинских частей было проблематичным.
- ⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 338. Л. 91.
- ⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 338. Л. 84. В 1919 г. российско-афганские противоречия по поводу судьбы среднеазиатских окраин бывшей Российской империи были столь остры, что англофоб Аманулла пытался договориться с англичанами об их помощи Бухаре и Хиве. С просьбой такого же рода обращался к британскому послу в Кабуле Хэмфрису Махмуд Тарзи, глава афганского дипломатического ведомства. М. Тарзи предложил идею создания буферного государства между Афганистаном и Россией и для этой цели просил у англичан 6 тысяч винтовок. Оба раза афганская сторона получала отказ. — Marwat, Fazal-ur-Rahim. *The Evolution and Growth of Communism in Afghanistan...* P. 93.
- ¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 241. Лл. 25–26. В докладе на имя Постоянного представителя РСФСР в Афганистане, датированном 10 февраля 1922 г., военный секретарь при Полпредстве Э. Рикс писал: «Допуская вполне, что наше наступательное движение на юг и юго-восток... прекратилось на долгое время и в Кушке, как в операционной базе, необходимости не представляется, я в то же время не могу согласиться на передачу ея Афганистану, правительство которого никогда не заслу-

живало полного доверия и которое вело двусмысленную политику даже в моменты наилучших дружественных взаимоотношений, благодаря идеям панисламизма, распространенным среди лиц, стоящих у власти с одной стороны и стремлениям к расширению своей территории с другой, чем отчасти объясняется возникновение англо-афганской войны в 1919 году, и наконец, наускиваниям англо-индийского правительства, которое всячески наталкивало и будет наталкивать афганцев на мысль о легкой возможности воспользоваться нашими территориями в Туркестане и Закаспии». — Там же. Л. 21.

¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 7. Оп. 84. Д. 339. Л. 33–34.